

Б.Ю.Субичус

Синдром неприятия современности

О публицистике А.Переса-Реверте

В статье рассматривается такая важная часть творчества современного испанского писателя Артуро Переса-Реверте, как его статьи-«колонки», печатавшиеся на протяжении ряда лет в приложении к журналу «Semanal» и выходявшие отдельными книгами.

Ключевые слова: журналистика, писатель-колумнист, М.Х. де Ларра, Ф.Умбраль, М.Сервантес, постмодернизм.

Подобно многим писателям XX в. Артуро Перес-Реверте пришел в литературу из журналистики. Получив в юности специальность политолога и журналиста, он в течение 12 лет работал военным корреспондентом в газете «Pueblo» (попутно основав вместе с журналистом и писателем Висенте Таллоном и возглавив в 1978 г. газету «Defensa»), а затем в том же качестве военного репортера и на других должностях он служил на испанском телевидении и радио. В 1994 г., будучи уже признанным писателем, с намерением целиком посвятить себя литературе он порывает с журналистикой, но не окончательно: приступив еще в 1991 г. к сотрудничеству в журнале «Semanal» как автор-колумнист, печатающий свои материалы еженедельно в приложении к журналу, А.Перес-Реверте продолжил эту деятельность и в дальнейшем.

Вполне возможно, что работа журналиста, как это часто бывает с начинающими авторами, помогла Пересу-Реверте выработать и закрепить навыки профессионального обхождения со словом как важной предпосылкой труда писателя, хотя объем отпущенного ему природного дарования столь велик, что вряд ли в данном случае была необходимость в предварительном обучении через журналистику. Гораздо очевиднее, что влияние опыта журналистской деятельности и, особенно, в качестве репортера в «горячих точках» (Кипр, Ливан, Мозамбик, Ангола, бывшая Югославия и др.) непосредственно проявилось во взглядах писателя — в жизненной позиции, обусловленной глубоким разочарованием в человеке, которую можно определить как «стоицизм на грани отчаяния», когда от отчаяния спасает лишь толика надежды на воз-

---

Борис Юделевич Субичус — старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (konstantinova@ilaran.ru).

возможность другой, лучшей жизни, а пока-то человеку предписывается сохранять достоинство в любых невзгодах и испытаниях.

Думается, однако, что этим влиянием на сферу идей и убеждений дело здесь не ограничилось — годы, проведенные в журналистике, сказались и на эстетических принципах Переса-Реверте как автора художественных произведений. Журналистский текст изначально, по сути своей, предназначен массовой аудитории. Журналист вольно или невольно должен уметь приспособиваться к потребностям и вкусам массового, а значит, очень разного и не обязательно в культурном отношении развитого читателя или слушателя, или зрителя, если речь идет о радиовизуальных СМИ. От журналиста требуется особая чуткость, способность улавливать дыхание, настроения, предпочтения массы. Журналистика — порождение и одновременно некая квинтэссенция нашей демократической эпохи в самом широком диапазоне ее нравственных и эстетических проявлений, в том числе и далеко не самых возвышенных.

Весьма схематично (в реальной жизни дело, как всегда, конечно, обстоит гораздо сложнее) можно выделить два типа эволюции начинающего автора, пробующего свои силы на журналистском поприще: в зависимости от своих наклонностей и творческих задач он в дальнейшем или порывает с журналистикой, чтобы уйти в «серьезную» литературу, или использует и развивает в своем последующем, собственно художественном творчестве принципы журнализма. Первый вариант более характерен для искусства эпохи авангардизма (преобладавшего в начале — середине XX в.) с его уклоном в элитаризм и неприятием «массовых» вкусов. Вторым получает особое распространение в современном постмодернизме, который, в частности, ставит своей целью преодоление различий между «массовой» и «серьезной», «высокой» культурой.

Творчество Переса-Реверте и принадлежит этому второму направлению и, более того, представляет собой одно

из его ярчайших достижений, вполне сопоставимое с таким вершинным, классическим образцом данного типа литературы, как романистика Умберто Эко («Имя розы», «Маятник Фуко» и др.), которая во многом служила ориентиром для испанского писателя, особенно при создании романов «Фламандская доска» (1990) и «Клуб Дюма» (1993). При этом, если У.Эко пришел в литературу из университетской аудитории, из среды рафинированной западной гуманитарно-академической интеллигенции, то Перес-Реверте в своей профессиональной генеалогии — корреспондент, репортер, прошедший школу самой брутальной, военной и криминальной журналистики, опыт которой он широко претворяет в своем творчестве.

Поэтому имеет смысл начать рассмотрение литературного дела Переса-Реверте с части, напрямую связанной с журналистикой. Речь идет о «колонках», которые автор еженедельно, начиная с 1991 г., публикует в журнале «Semanal». На сегодняшний день издано три сборника таких статей: «Корсарский патент» (1998), «С намерением оскорбить» (2001) и «Живым не возьмете» (2005). Последнее обстоятельство — издание журнальных публикаций в виде отдельных книг — многое значит. Прежде всего это признание литературного качества и общественно-культурной ценности первоначально сугубо журналистских текстов, которые в большинстве своем принадлежат высококлассной журналистике и подлинной литературе, а некоторые из них имеют отношение к журналистике лишь формально, по сути, это блестящие микрорассказы в формате журнальной «колонки»¹.

В своем двуедином образе писателя и журналиста Перес-Реверте — явление очень испанское. Вообще-то подобное сочетание — не редкость в западной литературе XIX—XX вв., когда периодическая печать, журналистика играют все большую роль в общественной и культурной жизни, в том числе в литературном процессе. В испанской и в

целом в испаноязычной литературе существует богатая и представительная, на уровне национальной классики, линия, исходным пунктом и опорной точкой которой на протяжении уже двух веков являются популярные газеты и журналы. Но гораздо существеннее здесь другое: эстетическая природа произведений, образующих данную линию. Перед нами — именно журналистика; это в основе своей документальная проза, а не плод художественного воображения автора (при несомненном наличии элементов авторского домысла). Исходный импульс подобного типа творчества — стремление зафиксировать, осознать, оценить конкретные факты, явления, события реальной, повседневной современной жизни. Идеино-эстетические принципы, жанровые формы, особенности языка и стиля, естественно, на протяжении этих 200 лет (и коль скоро речь идет о многочисленных и разных творческих индивидуальностях) были совершенно различными. Но неизменными здесь остаются следующие, собственно, конституирующие данную линию факторы: документализм, вкус к жизненной эмпирике и в той или иной степени выраженный, но непременно присутствующий авторский голос в виде лирического и/или публицистического начала. (Следует отметить, что и сегодня фигура писателя-журналиста в высшей степени характерна для Испании: если ограничиться только поколением, к которому принадлежит Перес-Реверте, то систематически в периодической прессе сотрудничают такие известные писатели, как Хуан Армас Марсело, Фернандо Дельгадо, Хавьер Мариас, Антонио Муньос Молина, Роса Монтеро, Фернандо Саватер и другие.)

Перес-Реверте как автор статей «колонок» в «Semanal» связан с этой документально-журналистской линией в испанской литературе не только типологически, но и — с некоторыми ее ведущими представителями — творчески, вплоть до того, что в ряде случаев можно предположить наличие связи типа «влияние—обучение» между писателями прошлого и современным автором.

Артуго Перес-Реверте

Прежде всего это относится к испанскому костюмбризму (быто- и нраво-описанию) второй трети XIX в., к его основоположникам Серафину Эстебаносу Кальдерону (1799—1867) и Рамону де Месонеро Романесу (1803—1867). Общим здесь является не просто объект изображения (быт и нравы современников), а то, что во многом предопределяет обращение к этому объекту, — острое переживание процесса модернизации Испании (буржуазного — в первой трети XIX в., постиндустриального — сегодня) и резкая реакция на его негативные последствия в жизни испанцев.

Более близок Пересу-Реверте С.Эстебанес Кальдерон по причине общности происхождения; оба они — южане, андалусийцы; Эстебанес Кальдерон родом из Малаги, Перес-Реверте родился и вырос в Картахене. Такой признак творчества Эстебанеса Кальдерона, как интерес к «деклассированному люду, живущему на случайные, а нередко и не вполне честные доходы»², который З.И.Плавский связывает с южноиспанской, «андалусийской» ветвью костюмбризма, ярко представленной уроженцем Малаги, в высшей степени характерен и для Переса-Реверте (и не только для его статей, но и романов). Вообще, Перес-Реверте никоим образом не является региональным писателем; к про-

блеме (весьма актуальной для сегодняшней Испании) политизации региональных отличий и к любой экзальтированной риторике по этому поводу он относится крайне негативно. Но при этом он часто обращается к андалузской тематике и в своем языке вовсе не чурается андалусизмов (в лексике, но также и в грамматике, например, преобладание так называемого «loísmo», т.е. использование в качестве прямого дополнения для обозначения одушевленных предметов местоимения «lo», не «le», как это свойственно кастильскому диалекту и литературной норме).

Особенно, однако, тесная связь у Переса-Реверте с Мариано Хосе де Ларрой (1809—1837) — крупнейшим костюмбристом указанной эпохи, выдающимся сатириком, романтиком и просветителем, творчество которого представляет собой одну из вершин национальной литературы. «Перес-Реверте в своих статьях, — совершенно справедливо отмечает Хосе Луис Мартин Ногалес — это Ларра наших дней»³.

Разумеется, первое, что объединяет обоих авторов, — это сам сатирический пафос, установка на разоблачение пороков общества. Сатира в том и другом случае предельно актуализирована, связана с животрепещущими проблемами политической, социальной, культурной, бытовой жизни и, вместе с тем, нередко включает в себя элементы историзма, т.е. те или иные достойные осуждения аспекты современной действительности рассматриваются в их происхождении и развитии и провозглашаются в качестве неких извечных устойчивых признаков национальной ментальности или истории. Круг явлений, типов, ситуаций и конфликтов, ставших объектом осмеяния и разоблачения у де Ларры и Переса-Реверте, чрезвычайно широк. И столь же богат и разнообразен у того и другого автора спектр эмоций, негативных по преимуществу: насмешка, гнев, сарказм, язвительность, издевка, раздражение, желчный юмор и т.п. Повышенная экспрессия и ярко выраженная субъективность (повествование всегда

ведется от первого лица, от имени автора с неизменным подчеркиванием личностного характера оценок и суждений и в раскованно-эмоциональном тоне) здесь, несомненно, романтического свойства, что вполне понятно, когда речь идет о де Ларре — человеке романтической эпохи (которая в Испании наступила с некоторым опозданием по сравнению с Западной Европой), и не столь очевидны в случае с Пересом-Реверте, принадлежащим нашему, совсем не романтическому времени. Перед нами здесь — романтизм не конкретно-исторический, а вневременной, типологический. Объединяет этих двух писателей как романтиков прежде всего обостренное чувство значимости собственной личности в ее противостоянии несправедливому обществу (что для де Ларры закончилось самоубийством, а у Переса-Реверте находит выражение уже в самих вызывающе дерзких названиях его книг: «С намерением оскорбить» и «Живым не возьмете»). Что касается такой особенности романтического мироощущения, как переживание возвышенного идеала, то опять-таки с де Ларрой дело обстоит проще: он — яркий пример романтического переживания идеала исторического прогресса в его просветительском варианте, идеала, который при всей эволюции отношения к нему со стороны великого сатирика (вплоть до разочарования в конце жизни) составлял некий стержень мировоззрения писателя на протяжении большей и основной части его творческого пути. У Переса-Реверте все гораздо сложнее. Дитя постмодернистской эпохи, изуверившееся во всех идеях «с большой буквы», он не связывает свою позицию с какой бы то ни было философией, идеологической или политической программой. Его идеал — этический в своей сущности. Поэтому прав Х.Л.Мартин Ногалес, утверждающий, что «некоторая часть заметок писателя продиктована этическим императивом»⁴. Но только следует иметь в виду, что этизм Переса-Реверте (особенно в его романах) включает в себя ряд весьма небеспорных моментов.

Менее очевидна, но достаточно четко просматривается в творчестве Переса-Реверте связь с урбанистическо-авангардистским направлением в испанской документально-журналистской прозе XX в., наиболее яркими представителями которого являются Рамон Гомес де ла Серна (1888—1963), Гонсалес Руано (1903—1965) и Франсиско Умбраль (1935—2007). Тематически статьи-«колонки» Переса-Реверте почти целиком посвящены по преимуществу городу Мадриду, как и у трех упомянутых авторов. Но это, впрочем, еще не основание для утверждения о сознательной ориентации Переса-Реверте на творчество своих предшественников по журналистской прозе. В конце концов Мадрид — в условиях высокоцентрализованного (по крайней мере до недавнего времени) испанского государства — неизбежно предстает как место предельной концентрации и проявленности тенденций, конфликтов, характерных признаков, свойственных всей Испании. К тому же Мадрид — центр той языковой, культурной империи, сторонником которой является Перес-Реверте, а имперское сознание (пусть даже в культурно-историческом варианте, как в данном случае) обычно всегда центристично.

В чем, однако, можно с большим основанием предположить наличие сознательного усвоения писателем опыта видных мастеров документально-журналистской прозы XX в., так это в том, что касается формального аспекта. В творчестве вышеназванных трех авторов культура формы небольшой газетной публикации доведена до совершенства; Умбраль, с полным на то основанием, называл свои газетные миниатюры «сонетами журналистики». Перес-Реверте не склонен уделять особое внимание обсуждению формально-технических сторон своей журналистской деятельности (в отличие от того же Умбрала, который много и охотно высказывался на подобные темы). Но виртуозное владение формой, которое демонстрирует в своих статьях-«колонках» Перес-Реверте, наводит на мысль, что

дело здесь не только в незаурядном таланте автора, но и в мастерстве, приобретенном, в частности, и благодаря серьезному изучению наследия корифеев этого жанра.

Все многообразие, по преимуществу негативных, эмоций, выраженных в журналистском творчестве Переса-Реверте, имеет один общий источник, первоначальный импульс, который сам автор определяет как «синдром неприятия современности» (статья «Я ненавижу этого ребенка» из книги «Корсарский патент»). Возникает вопрос: почему этот синдром испытывает писатель, живущий в демократической, либеральной, европеизированной и в общем-то относительно благополучной* стране, в которой осуществились идеалы (причем без крови и насилия, столь омрачавших историю Испании) многих поколений прогрессивных испанцев? Тут, казалось бы, скорее, возникает основание для гордости и восхищения своей страной, для удовлетворенности достигнутыми ею успехами, как мы видим это, например, в последних книгах Умбрала — в сборнике коротких культурологических эссе «Какие подвязки носила мадам Бовари» (2003) и «Любимый XX век» (2007), проникнутых чувством радостной — оттого именно, что наконец-то безоговорочной и беспрепятственной — сопричастности общеевропейским ценностям и традициям.

Дело, однако, в том, что Умбраль и Перес-Реверте, хотя и современники, но люди разных поколений. Разница в возрасте в 16 лет (они родились, соответственно, в 1935 и 1951 гг.) вообще много значит, но она особенно существенна в условиях ускоренного развития страны и радикальных изменений в образе жизни миллионов ее обитателей, как это имело место в Испании в последней трети XX в. Умбраль — человек, писатель, становление личности и творчества которого пришлось на период франкизма с его жестоким подавлением сво-

* До нынешнего экономического кризиса, разумеется, когда и были написаны эти «колонки».

боды и автаркическими тенденциями. Отсюда — умбралевский пафос свободолюбия (в самом широком диапазоне: личное поведение, творчество, политика и т.д.) и универсализм. Отсюда же совершенно естественно вытекает в целом позитивное отношение этого автора к процессам демократизации и европеизации Испании в последние десятилетия.

Что касается Переса-Реверте, то он вступил в самостоятельную жизнь и в литературу в то время, когда свобода из сферы идеала переместилась в сферу повседневной реальности с неизбежным в подобных случаях, подчас тяжелым и горьким, отрезвлением от иллюзий и завышенных ожиданий. Именно эта резкость перехода от состояния, отмеченного во многом чертами архаики и традиционализма (хотя Испания всегда, и в худшие свои времена, принадлежала Западу и никогда не была «Африкой за Пиренеями», как утверждал Галейран), к состоянию суперсовременной глобализированной цивилизации с ее обезличивающими тенденциями в культуре, духовным и нравственным неблагополучием и другими серьезными проблемами и противоречиями и предопределила довольно широкое распространение в сегодняшней Испании того самого «синдрома неприятия современности», который выражает Перес-Реверте.

Здесь особенно важен момент связи писателя с общественным сознанием. При всем безоговорочном своеобразии творческой индивидуальности Переса-Реверте и его не подлежащей ни малейшему сомнению субъективной искренности, это писатель, для которого установка на улавливание и отражение массовых настроений имеет немаловажное значение: не следует забывать, что он работает на границе между «массовой» и «высокой» культурой, и не будет большим преувеличением предположить, что он так или иначе корректирует свою позицию с учетом доминирующих чувств, мыслей, оценок в той более чем 4,5-миллионной читательской аудитории, к которой он еже-

недельно обращается со страниц популярного периодического издания⁵. Очень характерен в этом отношении язык, на котором Перес-Реверте общается с читателями «Semana» и который вовсе не идентичен языку романов писателя. Очевидна в данном случае ориентация на разговорную речь, причем, в ее низовом, «неинтеллигентном» варианте, с избытком просторечий, аргоизмов, фамильярных, а подчас и грубых слов и выражений. Любопытно, что все это имеет место на фоне многочисленных и в общем-то справедливых упреков писателя своим современникам в упадке вкуса, в вульгарности, грубости, бескультурье в различных сферах жизни, в том числе, и в обращении с языком. Налицо, таким образом, стремление автора настроиться на общую волну с массовым читателем. При этом, конечно же, Перес-Реверте не воспроизводит буквально голос улицы, а предлагает свой собственный, изощренно-артистический вариант современного испанского просторечия. (Вообще Перес-Реверте — выдающийся знаток испанской разговорно-бытовой речи в ее самых различных социально-хронологических вариантах. Неслучайно, свое, традиционное для подобного рода мероприятий выступление на церемонии приема в Испанскую королевскую академию в 1992 г. он посвятил теме «Речь «крутого» XVII века», в которой с академической основательностью и писательской красочностью и живостью изложения представил особенности речевого обихода, а также нравов, быта, поведения «криминогенных» слоев населения Испании в указанное время). Но как бы там ни было в своей журналистской деятельности Перес-Реверте в качестве носителя «синдрома неприятия современности» выражает специфику особенно сложного и болезненного перехода к новым формам жизни в регионах окраинного типа культуры (здесь, разумеется, речь о «Западе»), к которому относится Испания.

Многое в окружающем мире возбуждает «синдром неприятия современ-

ности» у Переса-Реверте. Но имеется некий изначальный и центральный фактор, который определяет всю совокупность негативных реакций автора. Это — деградация личности, измельчание человека, банализация существования в современном обществе и, что особенно важно для автора, убывание героического начала. Среди многочисленных произведений малой формы, составляющих три упомянутых книги Переса-Реверте, наиболее полно и убедительно, как представляется, эту особенность мировосприятия писателя выражает миниатюра под названием «Ночь решения» (из сборника «Корсарский патент»). По внешним признакам она ничем не выделяется в ряду текстов, которые Перес-Реверте регулярно публиковал в «Semanal». Но в сущности, по своему жанру, это не публицистика, не статья-«колонка», отражающая и интерпретирующая определенный факт реальной жизни, а сугубо художественное произведение, целиком плод авторского воображения, законченная микроромановелла. И именно потому, что это художественный текст, он претендует — и в полной мере оправдывает это свое предназначение — на выражение более глубокого, обобщенного, символического смысла, чем сугубо журналистские работы писателя.

...Поздняя ночь в одном из современных испанских городов, скорее всего в Мадриде. В одной из квартир просыпается старый, больной человек и, преодолевая слабость, головокружение, боль, начинает медленно, но решительно подниматься с постели с явным намерением совершить некий серьезный поступок, возможно, как поначалу кажется читателю, это побег из почему-то ненавистного ему жилища. По ходу действия из внутреннего монолога героя мы узнаем, что он живет вместе со своим сыном, невесткой и малолетними внуками. К детям он испытывает самые нежные чувства, но пылает ненавистью к их родителям. Возникает предположение, что они подвергают несчастного старика чудовищным издевательствам и унижениям. Он называет их мучителя-

ми, палачами и даже нацистами. Выясняется, что герой — бывший боец-республиканец, участник знаменитых боев на р. Эбро в годы Гражданской войны в Испании. Воспоминаниями о своем героическом прошлом он подбадривает себя на пути к пока что непонятной для нас цели. Мелкими нетвердыми шагами он прокрадывается в спальню молодых, нащупывает в кармане своего сына пачку сигарет, направляется в ванную комнату, зажигает огонек и сладострастно затягивается — впервые за целый год позволяет себе удовольствие, в котором ему категорически отказывали близкие, страшая его всяческими бедами, болезнями, смертью.

В этом крошечном рассказе выражена целая гамма смыслов: и сочувствие герою, и восхищение им (его храбростью в прошлом и его нынешним упорством) и, главное, печальная ирония по поводу деградации героического начала в современной Испании, представленного в образе больного, дряхлого старика, доживающего последние дни, трагикомичного в своих попытках самоутверждения. Важно отметить, что политика не играет здесь никакой роли: подобно многим современным испанцам, Перес-Реверте чужд былой романтизации Гражданской войны в свете левых или каких бы то ни было других политических идеалов; для него это была кровавая междоусобная бойня, все участники которой достойны братского сострадания в качестве жертв неких трагических особенностей национальной истории и ментальности («земля Каинов» часто называет он Испанию⁶). Писателя интересует героика в чистом виде, некая квинтэссенция героического — вне зависимости от его «количества» и политических убеждений, социальных или философских позиций.

Поэтому редкими положительными героями в «колонках» Переса-Реверте становятся или люди так называемых героических, опасных профессий⁷, или, что, впрочем, более свойственно романам писателя, индивиды, чье поведение не соответствует общепринятым нормам: от прямых нарушителей закона⁸ до

сексуально дезориентированных личностей⁹, которые опять-таки героически, по Пересу-Реверте, отстаивают свою самобытность и самоутверждаются в противоборстве с окружающим социумом. Перед нами — типично романтическая коллизия. Обеднение и стандартизация индивидуальности в современном обществе побуждает художника обратиться к ярким, оригинальным образам человеческой природы, выделяющимся из общей серой массы («толпы» — в романтическом лексиконе); к ним относятся собственно «герои» — выдающиеся деятели истории, политики и искусства, воспринятые как высшая божественная функция (вспомним, соответственно, Наполеона и значение образа поэта в романтическую эпоху), и это также социальные отщепенцы, маргиналы, самым своим образом жизни противостоящие «толпе» («благородные разбойники» в классическом романтизме или представители деклассированной богемы в романтическом искусстве второй половины XIX в.).

Дело, однако, в том, что Перес-Реверте — романтик нашего времени — конца XX — начала XXI вв. и, конкретно, эпохи постмодернизма, который, в частности, отличается дегероизацией всякого героизма. Подобная установка в целом чужда писателю, героическое неизменно обладает для него высоким ценностным статусом. Но частично он в данном случае разделяет постмодернистский подход. Он практикует дегероизацию определенного типа, совпадающую с постмодернистской демифологизацией официальных «героических» мифов, а заодно последовательно развенчивает всякую «героическую» мифологию, связанную с социальными верхами, с «истеблишментом». В «коллонках», опубликованных в «Semanal», неоднократно изображаются или упоминаются «сильные мира сего», вокруг которых существует в наши дни, особенно в «массовой» культуре, богатая «позитивная» мифология, но автор не находит для них ни одного доброго слова и, наоборот, подвергает их беспощадному бичеванию. (Так, например,

в Испании уже буквально стало поговоркой резко неприязненное, многократно и напрямую высказанное отношение писателя к известному политику Хавьеру Солане.) Примечательно с точки зрения характеристики подхода Переса-Реверте к проблеме героического, что в повести «Тень орла» (1993), воспроизводящей один из эпизодов французского вторжения в Россию в 1812 г., кумир и герой романтического искусства Наполеон изображен в виде откровенной карикатуры; в романах писателя, в силу самой стереоскопической природы и многоплановости этого жанра, проблема героизма решается не столь однозначно и прямолинейно, как в публицистике и упомянутой повести. Между тем положительные персонажи «колонок» в «Semanal», обладатели незаурядных человеческих качеств и носители героического начала — «люди невеликие», весьма скромные по своему происхождению и положению в обществе. А в целом Перес-Реверте представляет собой образец любопытного феномена: романтика эпохи постмодернизма. Писатель находится в резкой оппозиции своему измельчавшему, негероическому времени и, вместе с тем, своей тоской по героическому он выражает одну из сокровеннейших подсудных потребностей этого времени, демонстрируя таким образом, что он не только испытывает «синдром неприятия современности», но и органично ей принадлежит.

Для многих «колонок» А. Переса-Реверте характерен мотив сравнения настоящего и прошлого — для того, чтобы в большинстве случаев доказать преимущество второго над первым (важно отметить, что здесь нет никакой политической подоплеки: сравниваются в данном случае «времена» — в сугубо социокультурном смысле, а не политические системы, т.е. франкизм и современная демократия). С точки зрения раскрытия потребности авторского взгляда на мир этот мотив всегда полностью оправдан. Но возникает вопрос другого рода. В период создания статей-«колонок» автор был сравнительно

молодым человеком (родился он, напомним, в 1951 г.). Это вовсе не тот возраст, в котором обычно впадают в состояние старческой мизантропии и предаются брюзжанию по поводу современных нравов с одновременной ностальгией по прошлому. Конечно, позиция Переса-Реверте как публициста — это вовсе не мизантропия, а граждански ответственная и обоснованная критика реалий современной жизни, равно как и его слово — не брюзжание, а сплав боли, мастерства и таланта. Но собранные вместе под одной обложкой (точнее, тремя, что, впрочем, не меняет сути дела) эти несколько сотен статей, выдержанных по преимуществу в одной, раздраженно-критической тональности, оставляют впечатление некоторой односторонности. Здесь как раз вполне уместно слово «синдром» и примечательно, что сам Перес-Реверте, большой писатель с изощренным чувством языка, употребляет для характеристики своего негативного отношения к современности этот медицинский термин, имеющий явный оттенок болезненности. Что касается упомянутого мотива, то, безусловно, на фоне реального возраста писателя и, тем более, при столь частом употреблении, он выглядит несколько искусственно, нарочито. Но вне связи с биографическим фактором, в пределах текста, он оправдывает свое присутствие тем, что служит для создания такого образа повествователя, который позволяет автору более эффективно, с одной стороны, выразить свою позицию критики окружающей действительности, а с другой — установить контакт с многочисленной аудиторией своих читателей (см. выше), с учетом довольно широко распространенного сегодня в Испании чувства неудовлетворенности положением дел в стране и мире.

«Колонки» Переса-Реверте — яркая, оригинальная страница современной испанской прозы, что подтверждается не только фактом их издания отдельными книгами, но и пристальным интересом, который проявляют к ним серьезные критики и исследователи

литературы¹⁰. Поскольку, однако, они лишь часть, и к тому же меньшая часть, того, что создано писателем, то неизбежно возникает вопрос об их месте и функции в его творчестве в целом. Между статьями-«колонками» в «Semanal» и «большой» прозой Переса-Реверте, несомненно, имеется связь более существенная, чем просто отдельные тематические совпадения. Уже одно лишь то обстоятельство, что Перес-Реверте продолжил сотрудничать в «Semanal», будучи всемирно известным писателем, побуждает к размышлению в данном направлении. Отнюдь не материальные соображения, необходимость в дополнительном заработке (Перес-Реверте — один из самых обеспеченных писателей в современной Испании) и не потребность в профессиональном тренинге (с его талантом и литературным опытом эта задача вряд ли актуальна для него) заставляют писателя посвящать журналистике часть своего времени, которое в данном случае должно иметь особую ценность. Ведь помимо большого объема, структурной сложности и высокого качества, отличающих его романы (а это само по себе требует особых временных затрат), они заключают в себе огромную эрудицию автора и тщательную фактографическую документированность в самых различных областях знания и человеческой деятельности, что предполагает немалую предварительную работу, для которой, опять-таки, требуется время. И, скорее всего, отнюдь не только публицистический темперамент и обостренное гражданское чувство побуждают Переса-Реверте заниматься журналистикой. В конце концов потребность высказать свое отношение к современности он может реализовать (и действительно делает это самым убедительным образом) в художественных произведениях с современной тематикой: рассказ «Дело чести» (1995); романы «Фламандская доска» (1990), «Кожа для барабана» (1995), «Королева Юга» (2002), «Баталлист» (2006) и др.

Если, все же, последний фактор (самый серьезный из трех перечисленных)

и влияет на решение Переса-Реверте продолжать все эти годы сотрудничество в «Semanal», то он не является определяющим в данном случае. Есть нечто более существенное, что не позволяет писателю прервать эту работу. Речь идет о причине, действующей на самом глубоком уровне сознания художника, которая, возможно, не сразу улавливается читателем и критиками, но предопределяет все аспекты и особенности его творческой деятельности. В самом общем виде это глубинное порождающее начало творчества Переса-Реверте можно обозначить как проблему «книга» (шире — «культура») — жизнь».

Этот фактор проявляется уже на биографическом уровне. Перес-Реверте — человек сугубо книжный, о чем он считает необходимым эмфатически заявить: «Однако имейте в виду: даже теперь, когда я в течение десяти лет издаю книгу за книгой, я не воспринимаю себя как писателя; я прежде всего — читатель. Страстный читатель, подлинное отечество которого — это книги, которые я люблю. И даже писательское дело я воспринимаю как занятие, также исполненное страсти, которое позволяет мне спасти от забвения книги, которые я любил, которые продолжаю любить»¹¹. В то же время нам известны факты биографии писателя, свидетельствующие о нем как о личности, прекрасно разбирающейся в реалиях современной, некнижной жизни. Он — и журналист, военный репортер, глубокий знаток различных практических занятий и родов деятельности, таких как антикварное дело («Фламандская доска»), книжная торговля, переплетное ремесло («Клуб Дюма»), компьютеры, Интернет («Кожа для барабана»), подпольный бизнес, мафиозные структуры («Королева Юга») и многое другое. Книгочел и библиофил, Перес-Реверте осознает, остро ощущает и переживает как свое личное, интимное дело недостаточность, односторонность и опасность чистой книжности, компенсирует эту книжность, грозящую перерасти в гипертрофированность духовно-интеллектуального начала, обращенно-

стью к практической жизненной реальности и выражает этот конфликт (иначе «книжный» человек и не может) в литературных, книжных текстах. Журналистская работа в «Semanal» с ее постоянным, непосредственным контактом с повседневной жизнью улицы, города, общества и есть одна из форм такой компенсации, и поэтому она так важна для писателя, который не жалеет тратить на нее часть своего драгоценного, собственно писательского времени.

Дефицит практичности, прагматизма губителен для человека, утверждает «книжник» Перес-Реверте. И, пожалуй, наиболее наглядно он выражает эту мысль в историческом романе «Учитель фехтования» (1988), главный герой которого (едва ли не самый близкий автору среди всех его персонажей) — подлинный рыцарь своего времени, середины XIX в., натура возвышенная и благородная, преданная книге и совершенно непрактичная, — в конце концов становится жертвой своей отрешенности от реальной жизни. Неслучайно один из персонажей романа называет главного героя Дон Кихотом, центральный конфликт в судьбе которого тоже ведь между «книгой» (средневековые рыцарские романы) и испанской действительностью XVI в., ничего общего с этими романами не имеющей. Таким образом, к Сервантесу, к «Хитроумному идальго Дон Кихоту Ламанчскому» восходит одна из важнейших генеалогических линий публицистики и всего творчества писателя Переса-Реверте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Рождественский рассказ», «Путешествие ежа», «Путешествие ежихи», «Ночь решения» (в кн. «Корсарский патент»); «Рождественская песня» (в кн. «С намерением оскорбить») и др.

² З.И.П л а в с к и н. Испанская литература XVII — середины XIX века. М., 1978, с. 254.

³ J.L.M a r t í n N o g a l e s. Larra en los Balcanes. — A.P é r e z R e v e r t e. Patente de corso. Madrid, 1998, p. 17.

⁴ Х.Л.Мартин Ногалес. Наваяно ураганом. — А.Перес-Реверте. Живым не возьмете. М., 2005, с. 12.

⁵ См.: J. C. r u z M e n d i z á b a l. Dos réfiles de Arturo Pérez-Reverte: articulista y novelista. — Territorio Reverte. Ensayos sobre la obra de Arturo Pérez-Reverte. Madrid, 2000, p. 100.

⁶ См.: «Окурок во рту», «Погиб при попытке к бегству», «Тень Каина» (в кн. «Корсарский патент»), «Непостижимая Испания», «Да, я отступник», «Саранча», «Дубинки Гойи» (в кн. «Живым не возьмете») и др.

⁷ Это: испанский разведчик («Мой друг шпион» и «Мой друг бывший шпион» в книге «Корсарский патент»), военные корреспонденты («Маркес» и «Репортеры былых времен» в кн. «Корсарский патент» и «Легенда о Хулио Фуэнтесе» в кн. «Живым не возьмете»), люди различных морских профессий: лоцманы, рыбаки, служащие пограничной охраны («Лоцман Пако» в книге «Корсарский патент» и «Лоцман отдает концы» в книге «Живым не возьмете», «Завтрак с коньяком» и «Охотники за гашишем» в кн. «С намерением оскорбить», «Морские волки» в книге «Живым не возьмете») и др.

⁸ Например: хакеры («Герой нашего времени» в кн. «Корсарский патент»), воры

(«Воры были приличными людьми», там же), бедный крестьянин, промышляющий контрабандой наркотиков («Я выстрелил, когда он уходил» в кн. «С намерением оскорбить»), уличный аферист («Последние приключения Пепе Муэласа» в кн. «Живым не возьмете») и др.

⁹ См. «Венецианские парочки» в книге «Корсарский патент».

¹⁰ Среди испанских литературных критиков наиболее обстоятельно и систематически публицистикой (и в целом творчеством) А.Переса-Реверте занимается Х.Л.Мартин Ногалес, подготовивший к изданию три сборника статей-«колонок», опубликованных в «Semanal». На академическом уровне эту часть творчества писателя исследуют специалисты ряда известных учебно-научных центров в Испании, Западной Европе и США: Рубен Кастильо Гальего из исследовательского центра «Сааведра Фахардо» (Мурсия, Испания), Хуан Крус Мендисабаль из Университета в г. Индиана штата Пенсильвания (США), Хулио Пеньяте Риверо из Бернского университета (Швейцария) и др.

¹¹ Цит. по: J. M a n u e l d e P r a d a. Arturo Pérez-Reverte: «El analfabetismo de los críticos me ha hecho mucho daño». — Territorio Reverte, p. 391.